

Юрий ЖУКОВ

A black and white portrait of Joseph Stalin in a military uniform, shown in profile facing left. The background is dark, and there is a faint, larger silhouette of his head and shoulders behind him. The text 'ИНОЙ СТАЛИН' is overlaid on the bottom part of the image.

**ИНОЙ
СТАЛИН**

Юрий Жуков
Иной Сталин

Издательский Центр «Аква-Терм»

2003

Жуков Ю. Н.

Иной Сталин / Ю. Н. Жуков — Издательский Центр «Аква-Терм», 2003

Книга «Иной Сталин» предлагает совершенно нестандартную версию событий в СССР второй половины 30-х годов. Написанная на основе уникальных архивных документов, многие из которых и поныне носят гриф «секретно», она по-новому отвечает на вопросы: «Кто и зачем развязал массовые репрессии?», «Почему был убит Киров?», «Существовал ли на самом деле заговор против Сталина?».

© Жуков Ю. Н., 2003

© Издательский Центр «Аква-Терм», 2003

Содержание

Введение	5
Глава первая	7
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Жуков Иной Сталин Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.

Введение

Последние пятнадцать лет подтвердили старую, оказавшуюся к тому же и непреложной, истину. Нравится нам это или нет, но Сталин прочно вошел в историю XX века как один из самых значительных политических лидеров мира. Доказательством тому служит простой, очевидный, неоспоримый факт. Число книг, статей, телепередач о Сталине, пусть и предельно негативных, созданных в последние годы, многократно превзошло написанное о нем при его жизни.

Приходится признать и иное. Теперь имя Сталина служит своеобразным символом одной из эпох нашей истории, для оценок ее, сегодняшних представлений о том, в чем же должны заключаться национальные интересы страны, какой она должна быть, как развиваться, каким курсом следовать. И потому-то имя Сталина столь широко используется в политической борьбе как приверженцами правящего ныне режима, так и оппозицией.

При этом все политики, вне зависимости от того, кем себя полагают – сталинистами или антисталинистами, дружно приписывают Сталину, ему одному и только ему, ответственность за все, что происходило со страной и в стране. Правда, сталинисты напоминают исключительно о положительных моментах, а антисталинисты излагают свой вариант прошлого, сплошь состоящего из недостатков и ошибок, насилия и преступлений. Все, сознательно или бессознательно, превращают Сталина в демиурга, единственного творца истории, ее движущую силу. Словом, занимаются мифотворчеством.

Мифы о Сталине далеко не новы. Первый, апологетический, начал слагаться еще в тридцатых годах, приняв законченные очертания к началу пятидесятых. Второй, разоблачительный, – вслед за тем, после закрытого доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Он фактически явился зеркальным отображением предыдущего, просто превратился из «белого» в «черный», отнюдь не изменив своей природы.

С началом перестройки, одним из лозунгов которой стала гласность, казалось, пришло время отрешиться от прежних заблуждений, в том числе и от обоих мифов. Прежде закрытый для исследователей Кремлевский архив ликвидировали. Фонды его в конце 1991 г. начали передавать в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) – ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и созданный тогда же Центр хранения современной документации (ЦХСД) – ныне Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Начали, но не довели дело до конца. Без огласки и каких-либо объяснений в 1996 г. были вновь засекречены важнейшие, ключевые материалы. Их надежно запрятали в так называемом архиве Президента Российской Федерации. Вскоре таинственная операция получила объяснение. Она, как выяснилось, позволила вернуть к жизни один из двух старых, изрядно обветшавших мифов.

Появились на свет, стремительно распространились, утвердились как «основополагающие» книги Д.А. Волкогонова, Р.А. Медведева, В.Д. Николаева, А.В. Антонова-Овсеенко и Л.Э. Разгона, статьи Ю.Н. Афанасьева, В.А. Коротича и Г.Х. Попова – людей, не скрывавших своей идеологической ангажированности, откровенной политической пристрастности. Неиз-

бежно последовала и ответная реакция – столь же мифологизированные книги Р.А. Косолапова, А.Н. Голенкова, В.М. Жухрая, А.Т. Рыбина, Ф.Д. Волкова, В.В. Карпова и Ю.В. Емельянова, других не менее тенденциозных авторов.

Никто из них не отважился сказать правду: нам, как и прежде, неизвестна, недоступна во всей своей полноте совокупность материалов, которая и должна называться личным фондом Сталина. А потому сегодня и не может быть речи о создании его исчерпывающей, всеохватывающей политической биографии. Но, несмотря ни на что, необходимо сделать первый шаг для ее подготовки. Для начала постараться выяснить, почему же именно Сталин, а не Троцкий, Зиновьев или Бухарин, вышел победителем из схватки за лидерство в партии, стал общепризнанным лидером страны, выразителем ее чаяний и надежд.

Разумеется, пока можно лишь подойти к ответу на существующие многочисленные принципиальные вопросы, и прежде всего на основной: к чему стремился, чего добивался Сталин всю жизнь? Только лишь бесконтрольной власти? И еще на один вопрос, не менее значимый: скрывал ли он свои замыслы, цели или же действовал открыто?

Отнюдь не претендуя на законченность и потому беспорность, отважусь только на одно: уйти от обеих предвзятых точек зрения, от обоих мифов; попытаться восстановить старое, некогда хорошо известное, а теперь старательно забытое, решительно незамечаемое, игнорируемое всеми.

Глава первая

...Откажемся от проторенного пути. Не станем останавливаться на детских и юношеских годах Сталина, ибо они ничего не дают для понимания его взглядов, мировоззрения, сложившихся позже. Здесь интересна разве что учеба в семинарии, да и то постольку, поскольку породила его своеобразную риторику: построение статей и речей в катехизисной форме вопросов-ответов. Да еще дидактичность – сознательное многократное повторение объяснений сложных проблем в чуть ли не примитивной форме, единственно доступной неграмотному не только политическому населению.

Довольно долго Сталин весьма трезво оценивал себя, свои способности и возможности. Во всяком случае, полтора десятка лет революционной деятельности терпеливо занимался обыденной, рутинной работой и довольствовался скромным положением одного из сотен или тысяч функционеров, притом всего лишь провинциального масштаба. Он даже не пытался доказать товарищам, что претендует на какую-либо иную, более высокую, значимую роль. С первой серьезной работой – «Марксизм и национальный вопрос» Сталин выступил лишь в 1913 г., когда признанными теоретиками марксизма в России считались Плеханов, Ленин, Троцкий, Зиновьев. Незадолго до этого он побывал делегатом на Таммерфорсской конференции, Стокгольмском и Лондонском съездах и был кооптирован в члены ЦК РСДРП большевиков.

Заявив о себе как о теоретике, Сталин сумел проявить оригинальность воззрений: предельный прагматизм – мышление категориями отнюдь не планетарными, стремление уйти от абстрактных построений, встав на твердую почву российской действительности. И способность выделить лишь на первый взгляд второстепенную проблему, разглядев в ней далеко не последнюю роль для ближайшего будущего.

Обратившись к национальному вопросу, Сталин попытался решить ту конкретную задачу, которая, по его мнению, должна была существенно повлиять на судьбы России. Этим он определил себя скорее как государственный, нежели партийный деятель. Основываясь на детальном знании положения на сверхмногонациональном Кавказе, Сталин пришел к неординарному выводу. Прежде всего, полагал он, необходимо обеспечить целостность страны и лишь потом намечать пути ее экономического, политического и культурного развития, искать оптимальные только для нее пути прогресса.

К национальному вопросу Сталин обратился, очевидно, потому, что стремился найти альтернативу процессам, отчетливо проявившимся уже в годы первой русской революции, а именно зародившимся и крепнувшим на окраинах чисто национальным формам борьбы с самодержавием, способным на следующем этапе развития событий превратиться в мощные центробежные силы; привести к распаду империи, к отделению от нее Польши и Финляндии, Прибалтики и Украины, Закавказья и Средней Азии; оказаться тем непредсказуемым результатом новой революции, которую и ставили своей целью большевики.

Сталин, судя по всему, учитывал не только многонациональность, но и многоцивилизационность России, а в многоукладности видел не только союзника революции, но и ее противника. Пытаясь найти возможный выход из порочного круга, он предложил единственный, по его мнению, вариант решения национального вопроса, попытался совместить трактовку марксизмом права наций на самоопределение с необходимостью сохранить целостность страны, отказаться как от нереальной от культурной автономии, на чем настаивали многие лидеры большевизма. Сталин объявил себя сторонником промежуточной позиции – уже исторически и экономически сложившихся многонациональных областных автономий.

«Единственно верное решение, – писал Сталин, – областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.»¹. Он объяснил преимущества именно такой структуры административного деления: «Она не межует людей по нациям, не укрепляет национальных перегородок – наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население»². И именно отсюда Сталин попытался вывести свое определение понятия «нация». Вслед за тем он заявил о невозможности абсолютизировать права наций на самоопределение, счел необходимым значительно ограничить их, подчинив общегосударственным интересам. Право на самоопределение, отмечал Сталин, возможно только тогда, когда оно «не попирает... прав других наций»³. Иными словами, он настаивал на отказе от того права на самоопределение, которое провозглашалось марксизмом и которое всего пять лет спустя в соответствии с планами Антанты, при поддержке президента США Вудро Вильсона, легло в основу Версальского, Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров и стало основанием Версальской системы. Это способствовало появлению отнюдь не моноэтнических Чехословакии и Югославии, а также лимитрофов – Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, то есть той системы, открытым оппонентом которой Сталин оставался вплоть до середины 1941 г.

Для понимания воззрений Сталина важен высказанный попутно в той же работе и оставшийся неизменным, четко и ясно сформулированный его подход к решению всех без исключения проблем – «конкретно-исторические условия»⁴. Именно они, а не чье-либо авторитетное высказывание, официальные догмы и теории стали для Сталина основными. Они, а не что-либо иное, объясняют его приверженность политике такого же, как и он сам, прагматика Ленина, объясняют его собственные колебания и переломы, готовность под воздействием реальных условий, ничуть не смущаясь, отказаться от ранее высказанных предложений и настаивать на иных, подчас диаметрально противоположных.

Назначенный сразу после революции 1917 г. наркомом по делам национальностей, Сталин отнюдь не стал торопиться защищать права больших и малых народов России, оказавшись приверженцем того административно-территориального устройства РСФСР, которое явилось максималистской формой его собственных представлений. Сталин вошел в число защитников образования РСФСР в границах бывшей империи, но без Финляндии и Польши, не из национальных, а из территориальных единиц – областей. Те же слагались из нескольких уже бывших губерний, исторически и экономически связанных между собой. Именно эта структура, вместе с единой в тех же границах РКП(б), и противостояла вплоть до конца 1918 г. сепаратистским силам, которые привели к распаду страны, начавшемуся с заявления в конце 1916 г. Литвы, оккупированной германскими войсками, о «независимости». Распад страны завершился к концу 1918 г. опять же формальным объявлением – ибо оно также делалось в условиях оккупации – об отделении от России Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины, Азербайджана, Армении и Грузии.

Под давлением неумолимой действительности Сталину пришлось согласиться с тем, что национализм оказался не просто живучим, но и более сильным чувством, нежели классовая солидарность. А это, в свою очередь, заставило признать как альтернативу независимости буржуазной суверенитет советских, но вместе с тем и национальных республик, согласиться с выделением юридически равных РСФСР трех прибалтийских, Белорусской и Украинской. Мало того, пришлось заявить о признании национально-государственных автономий и в составе РСФСР. В марте 1919 г. – Башкирской, в следующем году – Татарской и Кир-

¹ Сталин И. Собр. соч. Т. 2. М., 1951. С. 361.

² Там же. С. 362.

³ Там же. С. 312.

⁴ Там же. С. 313, 314, 320.

гизской (Казахской). Правда, как наивно полагал Ленин, временно, только до появления там своего пролетариата, который якобы непременно откажется от такой формы существования.

Происходившее не изменило воззрений Сталина. Он даже еще более утвердился в них. В статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной в октябре 1920 г., он выразил – как основное обоснование своих взглядов – неуверенность в скорой победе мировой революции. И потому выступил против прямо связанной с нею, тогда широко распространенной теории о начавшемся отмирании государства, теории, вроде бы подтверждавшейся практикой «военного коммунизма».

Сталин предложил принципиально иное видение внутренней политики – необходимость укрепления государства, усиление его институтов. Стержневую же основу для этого в многонациональной РСФСР, только что испытывавшей воздействие сепаратистских сил, он видел в унитарности либо предельном приближении к ней. Пока, в конкретных условиях, – в жесткой взаимосвязи, взаимоподдержке центра и национальных окраин. Пояснил, что именно такой, не на словах, а в действительности проводившейся политикой и следует объяснять победу большевиков в гражданской войне. Сталин вновь, хотя и в несколько откорректированном виде, выдвинул прежнее предложение: «Требование отделения окраин от России... должно быть исключено»⁵.

Не опасаясь негативной реакции, Сталин утверждал: речь идет здесь не о правах наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин. Под последними же он подразумевал не Башкирию или Татарию, а «так называемые независимые государства – Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и другие». Словом, те страны, прежде входившие в состав империи, в которых к осени 1920 г. пока еще не удалось установить советскую власть. Более того, он твердо заявил, что «требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно», взамен суверенности соглашаясь, как и семь лет назад, на прямо противоположное. «Остается, – приходил к заключению Сталин, – областная автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, как единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами, автономия, долженствующая связать окраины России с центром узами федеративной связи»⁶.

Саму автономию – вынужденное отступление от унитаризма, остававшегося для него конечной целью, Сталин считал необходимой лишь ради решения промежуточной задачи – ликвидации существенных различий, если не сказать разрыва, в культурном, политическом и экономическом уровнях развития различных регионов страны. Он отводил автономии не самодовлеющую, а чисто служебную роль, признавал использование национальных языков для «школ, суда, администрации» как единственно пока возможное средство «постоянного вовлечения... масс в русло советского развития»⁷.

Именно эти, не скрываемые ни от кого взгляды и убеждения вызвали появление осенью 1922 г., с началом обсуждения формы создаваемого СССР, сталинского плана автономизации. Сталин решительно отстаивал его в схватке с товарищами по партийному руководству, потерпев сокрушительное поражение в немалой степени и из-за того, что Ленин занял прямо противоположную позицию. Сталин вынужден был признать, что обстоятельства сильнее его, что он в данном вопросе изрядно поторопился, забежал далеко вперед. Пришлось согласиться на чуждый ему план и даже оберегать его, осознавая силу национализма.

В конце 1922 г. Сталин вынужден был смириться и отступить еще и потому, что тогда же оказался вовлеченным в более серьезную борьбу за лидерство внутри узкого руководства⁸,

⁵ Там же. Т. 4. М., 1951. С. 352.

⁶ Там же. С. 354.

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Узкое руководство – неформальная группа внутри ПБ (в разные годы насчитывала от трех до шести человек), присвоившая себе всю полноту власти и потому принимавшая от имени ЦК партии и правительства СССР важнейшие для судеб

порожденную тяжелым заболеванием Ленина и его фактическим уходом из политической жизни.

Зиновьев вместе со своим верным союзником Каменевым не без оснований опасался возвышения Троцкого. В силу своего старого и вполне заслуженного авторитета в партии, необычайно широкой популярности, приобретенной за годы гражданской войны, да еще и благодаря очевидной близости к Ленину в последние месяцы, с которым он солидарно выступал по многим вопросам, Лев Давидович мог законно и естественно занять место единоличного лидера партии и страны.

Потому-то Зиновьеву и потребовалось привлечь на свою сторону Сталина, почти никому тогда не известную политическую фигуру, предварительно серьезнейшим образом усилив его роль и полномочия. Выдвинув его в апреле 1922 г. на тогда же созданный пост генерального секретаря ЦК РКП(б), Зиновьев, видимо, был уверен, что тем самым подчинит себе не столько Сталина, сколько партию, формально одну из секций возглавляемого им Коминтерна.

Сталин принял предложение Зиновьева и вошел в «тройку», новое узкое руководство. Однако стал использовать свое новое положение не только для оттеснения Троцкого, а и для превращения партии в надежную скрепу только что созданного СССР, весьма непрочного, более всего напоминавшего конфедерацию. Сталин, без сомнения, понимал, что страна в первую очередь нуждается в восстановлении промышленности, сельского хозяйства и транспорта, пришедших в полный упадок за годы мировой и гражданской войн. И пока разруха не ликвидирована, можно, но лишь временно, не опасаться за целостность СССР. В отличие от Троцкого и Зиновьева Сталин сумел осознать уже тогда и потенциально огромную роль Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), третьей по значимости общесоюзной структуры после партии и армии, и стал использовать ее, опираясь на идейную близость с Дзержинским. Так они вместе добились уже в августе 1922 г. запрещения свободного доступа Троцкого в Горки к Ленину, ограничив их общение только письмами.

...Смерть Ленина ускорила процесс, шедший уже почти два года. «Тройке» удалось провести на пост председателя СНК СССР Рыкова, не имевшего определенной, твердой позиции, хотя и находившегося на правом фланге партии. Спустя полгода ввели в ПБ Бухарина, с 1917 г. редактора «Правды», а с апреля 1924-го еще и нового теоретического органа, журнала «Большевик», – человека, также стоявшего тогда на правых позициях и потому противника закрепления Троцкого в роли преемника Ленина.

Только шесть месяцев спустя, в январе 1925 г., «тройка», уже обеспечив большинство в ПБ и ЦК, сумела выполнить первую часть своих замыслов: снять Троцкого с поста председателя РВС СССР – наркома по военным и морским делам, чем обезопасила себя от ни на чем не основанных опасений возможных его бонапартистских поползновений.

Весь 1924 г., пока продолжалась борьба с Троцким как вполне возможным вождем, Сталин – политик еще относительно слабый, игравший вторую роль, – занимал двойственную позицию. Как член «тройки» он отбивался от нападок Троцкого и его ближайшего сподвижника Преображенского, их чуть ли не прямых обвинений в свой адрес, на XII партсъезде назвал надуманными заявления левых о начавшемся перерождении, бюрократизации партии, о противостоянии в ней двух поколений, о том, что чистка, мол, стала оружием расправы большинства – Зиновьева, Каменева, Сталина – с меньшинством – Троцким и его сторонниками. Но одновременно Сталин и защищал Троцкого – как генсек обеспечил отклонение в начале года предложения петроградского губкома об исключении Троцкого из партии, а в конце года – требования Зиновьева и Каменева о выводе его из ПБ. Сталин стремился сохранить некое равновесие в узком руководстве, не допустить усиления позиций Зиновьева.

Из тех же соображений в том же 1924 г. Сталину пришлось во второй раз пойти на достаточно серьезные уступки и в национальном вопросе – согласиться с исчезновением двух областных автономий, которым он придавал большое значение. В июне была завершена ликвидация Горской республики, а в декабре произошло «национально-государственное размежевание» в Средней Азии: расчленение Туркестанской АССР, Бухарской и Хивинской народных советских республик.

В то же время Сталину не раз приходилось делать заявления, которые должны были укрепить доверие к нему обеих основных группировок в партии: открыто признавать безусловность ленинского положения, в соответствии с которым империализм считался «кануном социалистической революции»; рассматривать СССР всего лишь «как подспорье, как средство ускорения победы пролетариата в других странах» и категорически отрицать возможность построения социализма в отдельно взятой стране, то есть в СССР. В цикле лекций «Об основах ленинизма», прочитанных в конце апреля – начале мая в Свердловском университете, Сталин чуть ли не дословно повторил ленинскую мысль: «Слов нет, что для полной победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран... Слов нет, что нам нужна поддержка»⁹.

Даже через год после поражения Гамбургского восстания он утверждал: «Неверно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях. Решающих боев не было еще хотя бы потому, что не было массовых, действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре»¹⁰. Но, заявляя так, Сталин подыгрывал Троцкому, одновременно нанося чувствительный удар Зиновьеву, проводимой именно им политике Коминтерна.

В конце года он выступил как фанатичный интернационалист, сторонник идей Троцкого и Зиновьева, подчеркнув прямую зависимость судеб СССР от революционного процесса на Западе. «Мировая революция, – писал Сталин, – будет разворачиваться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран»^с.

Отстранение Троцкого от поста Наркомвоенмора развязало Сталину руки, позволило не только фактически выйти из «тройки», но и вновь выразиться более искренне, отстаивая не групповые, а собственные взгляды. При переиздании брошюры «Об основах ленинизма» он внес в нее существенную поправку – обыграл слово «окончательная» во фразе о невозможности построения социализма в одной стране, предварив это положение принципиальным уточнением: «Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество»¹². Столь казуистическим способом он мог теперь в равной степени, лишь в зависимости от обстоятельств, акцентировать внимание либо на долженствовании построения социализма в СССР, либо на невозможности осуществить его... окончательно.

Зачем же Сталину потребовалась такая сложная, двусмысленная теоретическая конструкция? Видимо, чтобы нанести удар по Троцкому, так и не отказавшемуся от утверждения о невозможности для СССР в одиночку «устоять перед лицом консервативной Европы» и видевшему выход лишь в мировой революции. Но в равной, если не большей степени для того, чтобы добиться поддержки всей партии при решении задачи модернизации экономики СССР.

Ни для кого не было секретом, что, хотя к середине 1925 г. восстановление народного хозяйства закончилось, приблизившись к показателям 1913 г., СССР по-прежнему отставал от передовых стран мира, даже от разгромленной, опутанной репарациями Германии. Станови-

⁹ Сталин И. Собр. Соч. Т. 6. М., 1952. С. 374.

¹⁰ Там же. С. 283.

^с Там же. С. 399.

¹² Там же. С. 107.

лось все очевиднее, что Советский Союз больше не может существовать лишь во имя весьма призрачной идеи мировой революции, подчинять только этой цели весь свой потенциал, силы и средства. Он нуждается в возвращении к нормальному, естественному развитию.

Назревшую необходимость срочно найти выход из тупика, в котором оказался СССР в силу догматической ориентации его лидеров на «пришествие» мировой революции, которая и разрешит-де все накопившиеся проблемы, доказала своеобразная дискуссия, возникшая в конце 1924 г. Фактически начал ее Преображенский – статьей в журнале «Вестник Коммунистической академии», предложив сделать главную ставку во внутренней политике на ускоренную индустриализацию и проводить ее за счет накопления государственных средств, получаемых преимущественно от крестьянства.

В апреле 1925 г. со своей программой выступили и правые. Бухарин предложил альтернативный курс, бросив призыв: «Обогащайтесь!», обращенный к середнякам и кулакам. Он уверял, что чем богаче будет подавляющая часть населения – крестьяне, тем больше страна за счет лишь налогов да прибыли от продажи деревне промышленных товаров сможет направлять средств все на ту же индустриализацию. Бухарин только предлагал растянуть ее на неопределенно длительный срок и поставить в зависимость от результатов сельскохозяйственного производства, весьма неустойчивого в силу климатических и почвенных условий страны.

Так обозначилась единственная цель, но два пути к ней.

О сути своего видения пути развития СССР Сталин открыто заявил в докладе «К итогам работы XIV конференции РКП(б)», сделанном 9 мая 1925 г. Как и все остальные члены узкого руководства, он признал единственной целью индустриализацию. Обосновал ее привычными ссылками на Ленина, на его слова, что «окончательной» победа большевиков станет только тогда, «когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база крупной промышленности»¹³. Заодно Сталин постарался сыграть не только на разуме, но и на чувствах, используя сохранившиеся утопические надежды и ожидания практически всего населения, но особенно наиболее ортодоксальных коммунистов, большей частью левых по убеждениям, остававшихся в душе противниками политики НЭПа, политики «отступления». Сталин отважился установить, но опять же ссылаясь на Ленина, прикрываясь им, примерную дату победы пролетарской революции во всемирном масштабе: ее можно ожидать через 10–20 лет... «правильных отношений с крестьянством»¹⁴.

Так Сталин на практике начал осуществлять ту линию поведения, которую определил для себя еще в марте 1922 г. в статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Главное – составить «план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов»¹⁵. Потому он и принял индустриализацию как генеральную линию партии и страны. Ну а способ ее осуществления, полагал, подскажут конкретно-исторические условия. Пока же средства можно получать, опираясь на союз с середняком и вытесняя кулака.

Совместив предложения левых и правых, Сталин полагал, что объединил партию выдвинутой ею же общей целью. Но он ошибся. Своей компромиссной, центристской по сути позицией он вызвал к жизни «новую оппозицию», уже не предлагавшую собственный вариант политического курса, а направленную прямо против самого Сталина. Оппозиция объединила в основном терявших позиции сторонников и Зиновьева, и Троцкого да еще привлекла на свою сторону Крупскую, человека, близкого Ленину.

¹³ Там же. Т.7. М., 1952. С. 115.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Т. 5. М., 1952. С. 163.

Не дав оппозиции перерасти в большинство и потому сохранив свои позиции, Сталин заметил, что не жаждет крови, не пойдет на те решительные меры, право на которые предоставлял в подобных случаях съезду Устав партии. В заключительном слове он призвал к примирению, успокаивая проигравших. «Мы против политики отсечения, – сказал Сталин, но тут же оговорился: – Это не означает, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться партии на голову»¹⁶. Все же прорвавшуюся скрытую угрозу, вроде бы отнесенную на будущее, Сталин претворил в жизнь довольно быстро, уже на первом пленуме ЦК нового созыва, продемонстрировав всем, что значат и пост генсека, и подчиненный ему аппарат ЦК.

... При создании ПБ в марте 1919 г., в самый разгар гражданской войны, особо оговаривались его численность – «5 членов центрального комитета», и функции – «принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательств»¹⁷. Истинный же смысл ПБ раскрывали не эти общие слова, а персональный состав. Ленин – председатель СНК, Троцкий – нарком по военным и морским делам, Крестинский – нарком финансов, Сталин – нарком по делам национальностей, Каменев – председатель столичного Московского Совета. Тем самым демонстрировалось, что практически ПБ является узким руководством страны, скорее государственным, нежели партийным органом, объединяет не теоретиков и идеологов, а практиков, глав тех ведомств, от которых зависела тогда судьба РСФСР.

Сущность ПБ изменилась в 1921 г., когда гражданская война была выиграна, но мировая революция так и осталась весьма отдаленной перспективой, когда потребовалось найти новые, более реальные ориентиры, выразившие бы национальные интересы страны. На этот раз ПБ оказалось своеобразным «круглым столом», собравшим представителей различных взглядов на пути дальнейшего развития. Необходимо было коллективно, а потому с помощью неизбежного консенсуса, выработать новый курс. Однако очень скоро из-за болезни Ленина ПБ снова преобразилось и стало средоточием борьбы за власть. Создание же «тройки» сделало практически невозможным достижение согласия, любого, но общего решения. Не позволило и трезво оценить ситуацию, пересмотрев старое представление о якобы неизбежной и близкой победе мировой революции, оставив страну в неопределенности, медленно углублявшей кризис.

То, что произошло на XIV съезде, продемонстрировало наличие и более опасных симптомов – действительно начавшегося перерождения партии, точнее, отдельных ее губкомов, а вместе с ними и конференций, съездов. Губкомы становились ареной столкновений, сведения личных счетов, проявления неумной жажды власти, сопровождавшихся шельмованием политических противников. Партия все дальше уходила от роли, взятой ею же в Октябре, единственной власти в стране.

Судя по последующим событиям, Сталин оказался единственным человеком в партийном руководстве, понявшим всю пагубность сложившегося положения. Он осознал, что РКП(б) почти исчерпала свои возможности, свершив то, ради чего и создавалась, – захват власти и ее удержание. Мирная созидательная работа требовала принципиально иной, кардинально перестроенной партии, призванной решать иные и по-иному, нежели прежде, задачи.

Начал Сталин с самого простого, но того, что должно было «дать максимум результатов», – с реорганизации ПБ, возвращения ему изначальной функции. На пленуме 1 января 1926 г., умело манипулируя «мнениями» членов ЦК, он добился, казалось бы, немногого. Такого состава ПБ, в котором из старых его членов не было только Каменева, зато появились лица явно вторых ролей, твердые сторонники генсека – Молотов, Ворошилов, Калинин. Именно они вместе с оказавшимися также «управляемыми» Рыковым и Томским дали Сталину большинство – шесть голосов из девяти – и позволили уже во второй половине года пойти на то, чего на съезде он вроде бы обещал не делать: в июле «отсечь», вывести из ПБ Зиновьева.

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 390.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1983. С. 104.

вьева, а в октябре и Троцкого. Тем самым практически была уничтожена прежняя, но всего лишь мнимая представительность в ПБ различных мнений и взглядов, в конечном счете сводившихся к остававшейся неизменной, несмотря ни на что, ориентации на мировую революцию. Заодно Сталин заменил Зиновьева Молотовым на посту председателя ИККИ.

Реорганизовав ПБ чисто формально – увеличив число его членов с первоначальных пяти до девяти, но заполнив его своими явными приверженцами, уже только этим Сталин решительно порывал с традициями «старой гвардии». Продолжая яростно полемизировать не с членами ПБ, а с лидерами теперь уже «объединенной» оппозиции, слишком поздно сплотившей бывших непримиримых противников – Троцкого и Зиновьева, он только упрочивал собственную линию.

В декабре 1926 г., выступая на VII пленуме ИККИ, в который раз Сталин отстаивал свой план, доказывая, что он не означает отказа или отхода от социалистической идеи, а лишь на неопределенный срок сужает ее территориально. «Политическая база социализма, – отмечал он, – у нас уже создана, это диктатура пролетариата». Развивал мысль: «Экономическая база социализма далеко еще не создана, и ее надо еще создавать». И конкретизировал: чтобы ее создать, надо «сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целое хозяйство»¹⁸.

Обосновывая свой курс внутри ВКП(б), Сталин предлагал решать принципиально иные, откровенно национальные задачи, считая их более верными и убедительными. «Мы должны приложить все силы к тому, – уточнял он, – чтобы сделать нашу страну экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке...»¹⁹.

Ничего и нигде не говорил Сталин лишь о той цене, которую придется заплатить СССР за экономическую независимость. За индустриализацию и модернизацию. За социалистическую систему хозяйства, которая может развиваться «бешеными» темпами и обогнать капиталистическую за весьма короткий срок и тем самым позволит достичь конечной цели – создания общества процветания и благоденствия, с самым высоким уровнем жизни – общества социалистического.

Вопрос о цене все же возник. Закономерно, неизбежно, естественно, и привел к очередному конфликту в партии.

XIV съезд не только утвердил курс на индустриализацию как необходимую предпосылку модернизации экономики СССР, принял он решение и о плановом отныне развитии народного хозяйства. Поначалу в виде эксперимента – только на один 1925/26 хозяйственный год. План был весьма небольшой по объему и капиталовложениям, вполне реалистический. Успешное выполнение как его, так и следующего, на 1926/27 г., должно было обеспечить использование средств, полученных в основном от внешней торговли, давшей именно в 1926/27 г., впервые за весь советский период, активное сальдо – 57 млн. золотых рублей.

Слишком оптимистично положившись на сохранение, а возможно, и рост накоплений такого рода, Сталин подтолкнул партию и страну на следующий шаг. В октябре 1927 г. объединенный пленум ЦК – ЦКК принял решение о директивах по разработке плана развития народного хозяйства уже на пять лет. В декабре аналогичное постановление вместе с контрольными цифрами очередного годового плана принял и XV съезд. На нем-то и обозначилось расхождение во мнениях по основному вопросу: откуда, каким образом будут получены средства для выполнения пятилетки.

Сторонники Сталина твердо рассчитывали на прежний источник внутренних накоплений, на расширение внешней торговли в целом, на увеличение статей экспорта, который состоял тогда наполовину из пушнины (17 %), нефти и нефтепродуктов (15,4 %), лесомате-

¹⁸ Сталин И. Собр. соч. Т. 9. М, 1952. С. 126–127.

¹⁹ Там же. Т. 7. С. 299.

риалов и спичек (12,6 %), марганца (2,2 %). Вторая же половина складывалась из сельскохозяйственной продукции – яиц, масла, зерна (5,4 %), льна и кудели, жмыха, мяса, сахара²⁰. И Микоян – нарком внешней и внутренней торговли, и Орджоникидзе – нарком РКИ и председатель ЦКК, поддерживая предложение Сталина, полагали вполне возможным увеличить продажу за рубеж нефти, зерна, мяса и масла. А может быть, и получить иностранные займы или кредиты под гарантию того же экспорта.

Обсуждение источников финансирования пятилетнего плана скорее всего завершилось бы приемлемым для всех решением, если бы одновременно не обозначилась еще одна достаточно серьезная проблема – нехватка хлеба в городах. Производители товарного зерна – те, кого относили к кулакам и середнякам, отказывались продавать его государству, мотивируя это тем, что за вырученные деньги ничего не могут приобрести. Только начавшись, индустриализация сразу же породила дефицитную экономику, ставшую хронической нехватку самых необходимых, элементарных товаров широкого потребления.

Сталин, отстаивая прежде всего генеральную цель, вынужден был преуменьшить значение возникших сложностей. Опасаясь нового раскола партии, который мог бы оставить его в меньшинстве, Сталин пошел на компромисс с Бухариным, согласившись с необходимостью в качестве первоочередной задачи укреплять союз с середняком, а на кулачество оказывать чисто экономическое давление, например, не предоставлять государственных кредитов. Взамен же Сталин получил поддержку своей новой аграрной политики, выражавшейся в коллективизации деревни, постепенном «переходе мелких и разрозненных крестьянских хозяйств в крупные объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли»²¹.

Выдвинув эту вторую и параллельную программу действий, Сталин не учел лишь одного: резкого увеличения продуктивности аграрного сектора, становящегося «социалистическим», а следовательно, и роста доходов в лучшем случае можно было ожидать не раньше, чем через год-другой. Сама по себе коллективизация, что бы она ни обещала в будущем, не могла изменить конкретную ситуацию к лучшему. Потому-то согласованные на съезде решения отнюдь не ликвидировали нехватку хлеба, а сохранили и даже усилили ее. Чтобы выправить положение, пришлось пойти на чрезвычайные меры – реквизицию зерна в деревне, возродившую практику времен мировой и гражданской войн.

Инициировав «хлебозаготовки», даже приняв в них личное участие, Сталин недвусмысленно обозначил и истинное отношение к крестьянству, и готовность в случае необходимости исправить или спасти положение, прибегая к крайностям, к репрессиям. Он продемонстрировал, что добиваться индустриализации станет любой ценой, сколь высока она ни окажется.

Столь откровенное поведение Сталина, в сущности, и породило очередную конфронтацию в партийно-государственном руководстве. На пленуме в июле 1928 г. возобновилась полемика внешне вроде бы о политике по отношению к середнякам, в действительности же – об источниках финансирования пятилетки, а отсюда и о ее объемах и темпах. В результате было отсрочено утверждение одного из двух существовавших вариантов плана, «оптимального» и «минимального», что всего через год привело к роковым последствиям.

Трое членов ПБ – Бухарин, Рыков и Томский, – поддержанные замнаркома финансов Фрумкиным и некоторыми другими видными деятелями партии, отказались одобрить реквизиции в деревне и репрессии по отношению к середнякам, объявив такую практику ревизией решений XV съезда. Они настаивали на «минимальном» варианте пятилетки при обязательном развитии наравне с тяжелой и легкой промышленности, считали, что темпы коллективизации должны определяться успехами индустриализации, а не наоборот.

²⁰ Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж». М., 1993. С. 30.

²¹ Сталин И. Собр. соч. Т. 10. М., 1952. С. 305.

Сталин не пошел на обострение конфликта, хотя и не постеснялся широко использовать аргументы, заимствованные у левых, у Преображенского. Он не сказал открыто о конце НЭПа, который и определял отношение партии к крестьянству. Как бывало уже не раз, Сталин занял уклончивую позицию. И использовал тезис Бухарина о возрастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму, хотя и дал понять, что имеет в виду лишь кулачество, этот «капиталистический элемент» деревни. Сталин признал актуальность всех решений XV съезда и потому согласился на прекращение реквизиций зерна, повышение закупочных цен на 20 %. Взамен же получил заявление, подписанное всеми членами ПБ, о единстве, отсутствии разногласий среди них.

Вслед за тем легко и просто он настоял на утверждении именно «оптимального» плана пятилетки: 26 марта 1929 г. – на расширенном заседании СНК и СТО СССР, 29 апреля – на XVI партконференции, 28 мая – на V съезде Советов СССР. Началом же пятилетки решили считать первоначально задуманную дату – 1 октября 1928 г.

Но тем деловая активность Сталина не ограничилась. В ноябре он добился вывода Бухарина из ПБ, а вскоре позволил вернуть из ссылки многих видных троцкистов и утвердить их на высоких государственных постах, в основном в ВСНХ. Он потворствовал резкому усилению темпов коллективизации, давая все основания считать: он, а вместе с ним и узкое руководство, и практически вся партия пошли по пути, настойчиво рекомендованному левыми. То есть по пути форсированной индустриализации за счет выкачивания всех средств из деревни.

Сталин не только сделал очередной стратегический выбор в пользу взглядов левых, троцкистов. Он воспользовался всеохватывающей перестройкой, дабы претворить в жизнь свою старую идею по национальному вопросу. Согласно инициированной им административной реформе были ликвидированы уезды и губернии, взамен образованы мелкие по размерам округа и гигантские края и области. Но последние только в РСФСР, всего 14. Помимо них, ту же самостоятельность придали еще семи заведомо полиэтническим автономным республикам: Башкирской, Дагестанской (временно), Карельской, Крымской, Казахской, Татарской и Якутской. Остальные оказались наравне с округами составной частью краев и Казахской АССР. Тем самым, не меняя конституцию, лишь юридически не ущемляя права союзных республик, Сталину удалось понизить их статус. Уравняв их с новыми административными единицами, добился именно того, что семь лет назад задумывалось как территориально-национальная автономия. Практически Сталин достиг унитарности, подкрепив ее жесткой системой управления всеми стройками и большей частью сельского хозяйства прямо из Москвы, через ВСНХ и Наркомзем СССР.

В том же 1929 г., как результат официальной пропаганды сути и значения «оптимального» плана и «сплошной» коллективизации, возродились прежние утопические воззрения, подогреваемые статьями Зиновьева и Ларина надежды, что результатом первой пятилетки станет создание экономической базы социализма, а второй – уже коммунизма. Следовательно, не позже чем через пять лет утвердится социализм в его классической форме – без частной собственности и семьи, без классов и государства. Многие, особенно молодежь, начали немедленно «коллективизировать» быт. К весне 1930 г. только в одном Ленинграде существовало 110 коммун с десятью тысячами «коммунаров»²².

Другим выражением той же тенденции стало повсеместное строительство в городах домов-коммун, состоявших из двух групп помещений: «жилых ячеек» – квартир преимущественно однокомнатных, без кухни; и «общественного сектора» – одной для всех жильцов столовой с фабрикой-кухней, клуба, яслей и детского сада. В конце 1929 г. ВСНХ подготовил, а в начале следующего года провел конкурс проектов уже «социалистических городов».

²² Революция и культура. 1930. № 7. С. 54.

Нижний Новгород, Запорожье, Новокузнецк, Магнитогорск, другие места крупнейших строек пятилетки должны были отныне формироваться лишь из домов-коммун.

Но именно тогда Сталину пришлось срочно корректировать обозначившийся курс, не только не отвечавший его взглядам, слишком левый, явно утопичный, но и не соответствовавший реальным условиям. В марте он опубликовал статью «Головокружение от успехов», где подчеркивал: «Нельзя насаждать колхозы силой... механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые». Заодно Сталин позволил себе вволю поиздеваться над «революционерами», которые «дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов», стремятся «перепрыгнуть через самих себя... обойти классы и классовую борьбу». И сделал вывод: «надо положить конец этим настроениям»²³.

С подобными «настроениями» покончили уже в мае 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», осуждавшим попытки «перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой – в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрейшей индустриализации страны»²⁴.

Срочная корректировка курса весной 1930 г. стала необходимой и по иной, более серьезной причине – из-за охватившего весь мир в октябре – ноябре 1929 г. финансового кризиса, практически сразу же приведшего к депрессии.

Добиваясь экономической независимости СССР, упорно именуя этот процесс «социалистическим строительством», Сталин исходил из обязательной интеграции, хотя и в минимальной степени, в мировую систему хозяйства. Ведь для осуществления пятилетнего плана требовалось приобретать за рубежом строительные машины и рельсы, оборудование для создаваемых предприятий и целые заводы, нанимать иностранных специалистов и оплачивать все за счет поступлений от внешней торговли либо получая краткосрочные кредиты. Теперь же, в условиях кризиса, постоянно предрекаемого большевиками-теоретиками, но разразившегося для них неожиданно, да еще в самый неблагоприятный для СССР и планов Сталина момент, следовало буквально на ходу, импровизируя, резко поменять политику. Исходить следовало из того, что никто из деловых партнеров Советского Союза больше ничего не будет покупать, а, напротив, потребует чуть ли не немедленной выплаты по уже предоставленным кредитам.

Сталин оказался перед сложной дилеммой. Либо признать правоту и левых – Троцкого, Зиновьева, и правого Бухарина, единодушно предсказывавших именно такой результат попытки в одиночку, без поддержки пролетариата, победившего в промышленно развитых странах Европы, модернизировать национальную экономику. Либо упорно, невзирая ни на что, продолжить осуществление пятилетнего плана и использовать для этого все возможные средства, самые жестокие и суровые.

Сталин избрал второе. И потому ему сначала пришлось обосновать возможность применения в ближайшем будущем насилия. Он объявил, выступая летом 1930 г. на XVI съезде: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления»²⁵. Неизбежность и политическую окраску приобрела борьба уже не только с кулаками, но и со специалистами, не пожелавшими добровольно терпеть лишения, участвуя в строительстве социализма, в том числе участниками давнего «шахтинского» дела, и новых – «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», «Крестьянской трудовой партии».

Затем Сталин приступил к другим, столь же радикальным действиям. В июле из ПБ вывели Томского, в декабре – Рыкова. Был сформирован новый состав СНК СССР, с заменой глав ключевых для выполнения пятилетнего плана ведомств. В июле наркомом иностранных

²³ Сталин И. Собр. соч. Т. 12. М., 1952. С. 193, 198–199.

²⁴ Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934. С. 733.

²⁵ Сталин И. Собр. соч. Т. 12. С. 309.

дел утвердили Литвинова, в октябре наркомом финансов – Гринько, председателем ВСНХ – Орджоникидзе, наркомом внешней торговли – Розенгольца, в декабре главой правительства – Молотова, сохранившего и пост председателя исполкома Коминтерна. Им и предстояло решительно, не считаясь ни с чем, проводить в жизнь заведомо непопулярные решения, спасти курс на индустриализацию любой самой дорогой ценой.

«Наш рабочий класс, – объяснял Сталин в отчетном докладе XVI съезду, – идет на трудовой подъем не ради капитализма, а ради того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм... Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма, и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества. Отсюда вывод: чтобы поднять рабочий класс на трудовой подъем и соревнование и организовать развернутое наступление, надо было прежде всего похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране»²⁶.

Все эти способы воздействия, избранные Сталиным, должны были дать максимальный результат в ближайшие год-два. От еще одного решения, принятого тогда же, результатов следовало ожидать гораздо позже, в весьма отдаленном будущем. С 1 сентября 1930 г. в СССР, впервые за всю многовековую историю страны, вводилось всеобщее бесплатное и обязательное четырехклассное начальное обучение, чем делался самый значительный шаг по пути ликвидации культурной отсталости народов страны.

Продолжавшаяся индустриализация сказывалась во всем: в резком обесценивании, инфляции рубля; в острой, усиливающейся нехватке всего необходимого, что заставило ввести карточную систему на продукты питания и товары широкого потребления; в опасном сокращении экспорта, что привело в 1931 г. к самому большому пассивному сальдо во внешней торговле – около 300 млн. золотых рублей. Однако Сталин упорно шел раз избранным путем к намеченной цели, не позволяя ничему и никому остановить себя. Потому и решился на самые крайние, необычайно жесткие меры, полностью используя послушные ему властные органы – ПБ и СНК.

Сам пятилетний план неофициально был резко сокращен, до уровня несоизмеримо более низкого, нежели недавно Сталиным же отвергнутый «минимальный» вариант. Он был сведен в январе 1931 г. к 65 «ударным стройкам», уже прошедшим нулевой цикл, в которые была вложена большая часть предусмотренных для них средств. Обо всех остальных забыли – до лучших времен.

Вновь были резко усилены темпы коллективизации, неотвратимо ставшей сплошной. Пойти на такой шаг пришлось исключительно ради того, чтобы поставками фуражного зерна срочно расплатиться с Германией по краткосрочным долгам, вызвав тем страшный голод, охвативший большую часть Украины и Северного Кавказа.

Летом 1931 г. было одобрено предложение ОГПУ о широком использовании труда заключенных на стройках, лесоразработках, на шахтах и рудниках преимущественно в отдаленных, неосвоенных районах страны, куда иным образом привлечь рабочую силу оказалось невозможным. Сделано было то, что и породило вскоре ставший печально знаменитым ГУЛАГ.

Было проведено массовое, второе по счету, изъятие церковных ценностей. Дано согласие на продажу полотен великих старых мастеров из Эрмитажа Гульбенкяну, владельцу крупнейшей тогда на Ближнем Востоке нефтяной компании, – ради увеличения экспорта бакинской и грозненской нефти и Меллону, миллионеру и министру финансов США, чтобы получить от него разрешение на продажу в Соединенные Штаты советских спичек и марганца. Это, в частности, и позволило Розенгольцу доложить XVII съезду: баланс внешней торговли в 1933 г. оказался наконец активным и принес стране доход в 150 млн. золотых рублей. Он почему-то

²⁶ Там же. С. 355.

умолчал о более значимом: к концу того же года СССР сумел выплатить две трети зарубежных долгов, взятых для осуществления первого пятилетнего плана, – около 1 млрд. золотых рублей.

Постоянно меняя тактику, в главном – в стратегии – Сталин оставался последовательным. Не считаясь ни с чем, он и в дальнейшем намеревался продолжать столь же форсированную индустриализацию, которая, по его убеждению, только и могла обезопасить страну, советскую власть. Он не ошибся, ибо именно такое решение оказалось не просто единственно верным, но и своевременным. В начале 30-х гг. политическая ситуация в мире резко ухудшилась, породив отнюдь не надуманную, как прежде, а вполне реальную угрозу войны. Для СССР же – на два фронта.

Глава вторая

Межвоенное двадцатилетие... Термин этот давно устоялся и прочно вошел в словари историков и политологов. Определяется он двумя датами: подписанием победителями в Первой мировой войне, странами Антанты, 28 июня 1919 г. в Версале мирного договора с побежденной Германией, только что ставшей республикой, и нападением нацистской Германии 1 сентября 1939 г. на Польшу, что послужило началом Второй мировой войны. Но Версальский мир оказался на редкость хрупким, непрочным, в действительности он продлился не два десятилетия, а всего одно. Во всяком случае, для Восточной Азии.

Японию, практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний – Каролинских, Марианских и Маршалловых островов в Тихом океане и бухты Цзяочжоу на китайском Шаньдунском полуострове. В ночь на 19 ноября 1931 г., воспользовавшись как предлогом взрывом полотна Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) под проходившим японским воинским эшелоном, Токио отдал приказ разоружить китайские гарнизоны во всех городах вдоль ЮМЖД и занять их. Лидер партии гоминьдан и глава национального – нанкинское правительство Китая Чан Кайтти запретил диктатору Трех восточных провинций (Маньчжурии) маршалу Чжан Цзолиню оказывать какое бы то ни было сопротивление захватчикам, дабы избежать расширения конфликта, перерастания его в войну. Однако японские вооруженные силы все же не ограничились лишь зоной ЮМЖД и оккупировали всю Маньчжурию. А 9 марта 1932 г. объявили ее «независимым государством» Маньчжоу-Го, возглавляемым сыном последнего китайского императора Пу И.

Советско-японская граница, прежде практически морская, увеличилась почти вдвое – за счет появления весьма протяженного, от Владивостока чуть ли не до Читы, сухопутного участка. На нем почти сразу же разместилась мощная японская армейская группировка, генералы которой не скрывали своих агрессивных устремлений. Но первыми расценили происшедшее как угрозу для СССР отнюдь не в Москве. Посланник США в Китае Джонсон сообщал 13 января 1932 г. в Государственный департамент:

«Я все более и более убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше всего в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских... Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным»²⁷.

Сталин и узкое руководство в целом, занятые нелегкими проблемами, связанными с индустриализацией, – поиском новых зарубежных кредитов или займов, созданием легкой промышленности, механизацией РККА и сокращением ее численности, – поначалу не хотели верить в серьезность возникшей на востоке угрозы. Видимо, уповали на иное, безопасное для СССР развитие событий.

11 ноября 1931 г. в городе Жуйцзине открылся I Всекитайский съезд рабочих и крестьянских депутатов. Он провозгласил образование Китайской советской республики, сформировал Совет народных комиссаров во главе с Мао Цзэдуном и Реввоенсовет, который возглавил Чжу Дэ. Руководство китайской компартии обратилось к гоминьдану с предложением прекратить шедшую пять лет братоубийственную гражданскую войну и создать единый анти-японский фронт. Чан Кайши отклонил предложение и бросил все имевшиеся в его распоряжении силы против советских районов. Однако те устояли, отразили нападение. Более того, 5 апреля 1932 г. Китайская советская республика объявила Японии войну.

²⁷ Цит. по: Документы внешней политики СССР (далее – Документы). Т. XV. М., 1969. С. 731.

Как свидетельствуют факты, Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае, приведет рано или поздно к рождению общего фронта коммунистов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы. Поэтому он пытался сделать все, лишь бы не раздражать, не провоцировать Токио. Он предложил начать переговоры о продаже принадлежавшей Советскому Союзу Китайской восточной железной дороги (КВЖД), потребовал полного прекращения «подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии»²⁸. Однако в то же время Сталин остался равнодушным к предложению национального, гоминьдановского Китая восстановить дипломатические отношения, разорванные еще в 1929 г., и заключить пакт о ненападении.

19 июня 1932 г. Сталин писал из Сочи, где он находился в отпуске, в Москву Молотову, что США «пытаются вовлечь нас лаской в войну с Японией... Предложение нанкинцев о пакте ненападения – сплошное жульничество. Вообще нанкинское правительство сплошь состоит из жуликов». Правда, на всякий случай сделал оговорку: «Это не значит, конечно, что мы не должны считаться с этими жуликами или их предложением о пакте ненападения»²⁹. Но уже через девять дней, скорее всего под влиянием наркома иностранных дел М.М. Литвинова, Сталин стал менять свое отношение к проблеме. 28 июня он дал указание остававшимся в Москве членам узкого руководства – Молотову, Кагановичу, Ворошилову и Орджоникидзе:

«Согласен, что в отношении Нанкина нужна сдержанность, но позицию сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, – нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено»³⁰.

Заняв такую промежуточную позицию, Сталин не спешил с принятием окончательного решения. Да, с его согласия в Москве заведующий 2-м восточным отделом НКВД Б.П. Козловский и в Женеве М.М. Литвинов начали вялотекущие переговоры с представителями национального Китая. Козловский и Литвинов настаивали прежде всего на ни к чему не обязывающем восстановлении полномасштабных дипломатических отношений, которые, мол, и позволят позже вернуться к вопросу о пакте о ненападении. И лишь для того, чтобы оказать давление на Японию, 1 июля «Известия» оповестили мир о проходивших беседах. Но в то же время, и не менее официально, узкое руководство оценило события в Жуйцзине как важную победу тактики и стратегии Коминтерна. В тезисах по докладу О.В. Куусинена XII пленуму ИККИ, одобренных Сталиным 16 августа³¹, с нескрываемой гордостью отмечалось: «Наступил конец относительной стабилизации капитализма... В Китае – революционная ситуация, на значительной территории – победа советской республики... В Китае – массовый подъем антиимпериалистической борьбы, развертывание советского движения, крупные успехи героической китайской Красной армии...»³².

Только четыре месяца спустя Сталин отважился сделать выбор, отказавшись от надежды на скорую победу революции в Китае. 12 декабря 1932 г. в Женеве М.М. Литвинов и глава китайской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Янь Хойцин обменялись нотами, объявившими о восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений между СССР и нанкинским правительством³³, отношений Москвы с тем режи-

²⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 208, 212.

²⁹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 240–241.

³⁰ Там же. С. 354. Сталин и Каганович... С. 199–200. 31

³¹ Там же. С. 281.

³² Цит. по: Пленум ускоренной подготовки к боям за власть, за диктатуру пролетариата. Коммунистический интернационал. 1932. № 27. С. 4–6.

³³ Известия. 1932.13 декабря.

мом, который шестой год вел кровопролитную борьбу с коммунистами, с Китайской советской республикой. Но пакт о ненападении с Нанкином был заключен только 21 августа 1937 г., уже после открытой агрессии Японии против Китая.

...Еще более взрывоопасная ситуация начала складываться в Европе, а породили ее события в Германии, которую начиная с конца 1917 г. большевики рассматривали как идеальный и самый надежный центр пролетарской революции и на которую летом 1923 г. сделали основную ставку и «отодвигаемый» от власти Л.Д. Троцкий, и приходивший ему на смену Г.Е. Зиновьев, и будущий лидер правых Н.И. Бухарин. 14 октября «Правда», редактируемая Бухариным, опубликовала подборку материалов без подписи «Какое дело русскому крестьянину до германской революции». В одном из них утверждалось:

«Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получают громадный толчок к развитию».

В том же был непоколебимо уверен и Зиновьев. Две недели спустя в «Правде» он заявлял: «Союз с победоносной пролетарской революцией (в Германии – Ю.Ж.) может быстро и радикально обезвредить опасные стороны нашего НЭПа. Союз пролетарской Германии и Советской России создал бы новую фазу НЭПа, ускорил бы и упрочил бы развитие нашей государственной промышленности и подрезал бы в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего Союза Республик»³⁴. Практически то же утверждал Троцкий.

«Мы сейчас, – писал он, – несомненно, подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и мировых проблем является Германия»³⁵.

Даже девять лет спустя, в июле 1932 г., в Кремле сохранялись те же, уже явно несбыточные и не отражающие политическую реальность надежды. На настроения Сталина и других членов узкого руководства не повлияли очевидные факты. В частности, тот, что ни самый глубокий в Европе экономический кризис, ни порожденная им невиданная ранее массовая безработица и сопутствующий ей голод не отразились на активности германского пролетариата, не привели пусть даже к отчаянному, заведомо обреченному на поражение революционному выступлению. Несмотря на очевидную утопичность, Сталин – по сути, от имени ИККИ – одобрил лозунги для организуемой германской компартией всеобщей забастовки: «Долой правительство Папена! Да здравствует рабоче-крестьянская республика – Советская Германия!»³⁶. Ответ на такой призыв был получен две недели спустя – на прошедших внеочередных выборах в рейхстаг КПП оказалась на третьем по поддержке избирателей месте после нацистов и социал-демократов. Такое же положение сохранилось и при новых выборах, прошедших 6 ноября. Коммунисты получили всего 100 мандатов из 608, социал-демократы – 121, нацисты – 196.

Не просто сложная – предельно напряженная ситуация вскоре разрешилась, но отнюдь не в пользу мировой революции. 30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил канцлером Гитлера и поручил ему формирование правительства. 27 февраля нацисты инсценировали поджог рейхстага, обвинив в этом коммунистов – лидера коммунистической фракции Эрнста Толлера, а также болгарских эмигрантов Димитрова, Попова и Танева. На следующий день Гитлер подписал декрет «Об охране народа и государства», которым приостанавливалось действие семи статей конституции, гарантирующих права и свободы граждан. 3 марта был арестован лидер КПП Эрнст Тельман. На еще одних, проведенных 5 марта, выборах нацисты в блоке с националистами сумели получить абсолютное большинство голосов. Спустя шесть недель были распущены профсоюзы, а затем и все, кроме нацистской, политические партии. В Гер-

³⁴ Зиновьев Г. Проблемы германской революции. Статья 9-я. – Правда. 1923. 31 октября.

³⁵ Троцкий Л. Малое и большое. – Правда. 1923. 18 октября.

³⁶ Сталин и Каганович... С. 237.

мании, где так и не произошла пролетарская революция, победил, придя к власти чисто демократическим путем, нацизм с его никогда не скрываемой доктриной ревизии Версальского договора, реванша, расчленения СССР, превращения Украины и Белоруссии в «жизненное пространство» только для немцев.

Первой реакцией на события в Германии стало выступление министра иностранных дел Франции Поля Бонкура в Женеве на заседании политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений, выработывавшей определение агрессии. Он поднял вопрос о столь же важной, с его точки зрения, назревшей необходимости заключения пакта о взаимопомощи в случае агрессии. Закончив речь, Бонкур демонстративно подошел к полпреду СССР во Франции В.С. Довгалеvскому и пожал его руку, выразив тем без слов, с кем его страна желала бы заключить такой пакт³⁷. Ту же идею, но уже от имени Малой Антанты – Чехословакии, Румынии и Югославии – изложил 8 марта министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш в беседе с представителем СССР в Праге А.Я. Аросевым. Однако всего десять дней спустя Бенеш, из-за якобы выявившегося отрицательного отношения к пакту Румынии, попросил «считать его предложение и весь вопрос не существующими»³⁸.

В действительности Бенеш лукавил, ибо истинной причиной его отказа от собственных слов оказалось иное. В тот день, 18 марта, Муссолини предложил Великобритании, Франции и Германии заключить Пакт четырех – «пакт согласия и сотрудничества», предусматривавший прежде всего возможность пересмотра условий Версальского мирного договора, признание равенства прав Германии в области вооружений, а кроме того, принятие в будущем аналогичных решений в отношении остальных проигравших войну центральных держав – Австрии, Венгрии и Болгарии. Почти сразу же против сущности Пакта четырех выступили Польша и страны Малой Антанты, не без основания опасавшиеся ревизии своих границ. А вскоре ту же позицию заняла и Франция, осознавшая весьма опасные последствия и для себя. Поэтому пакт, хотя и подписанный 15 июля 1933 г. в Риме Муссолини и послами Франции, Великобритании и Германии, так и не был ратифицирован ни одной из четырех стран.

Обеспокоенная становившейся все более и более несомненной угрозой со стороны Рейна, Франция начала свою игру.

6 июля М.М. Литвинов сообщил шифротелеграммой лично Сталину о том, что французский премьер Эдуар Эррио и Поль Бонкур, причем каждый порознь, предупредили его о подготовке германо-польских переговоров для обсуждения возможности заключения между двумя странами пакта о ненападении³⁹.

Оставалось слишком мало сомнений в том, что Варшава намеревается сменить ориентацию с Парижа на Берлин, нарушив равновесие. Не могло серьезно повлиять на меняющуюся ситуацию и то, что Чехословакия отклонила предложение Гитлера решить судетскую проблему также путем только двусторонних переговоров. Парижу срочно требовался более сильный союзник, и непременно к востоку от жаждавшей реванша нацистской Германии.

Именно поэтому 19 ноября Поль Бонкур встретился в Женеве с Довгалеvским и поведал ему о нажиме, «которому подвергается Франция со стороны Англии и Италии в смысле дальнейших уступок Германии». Выходом из тупикового положения было бы, по его мнению, вступление СССР в Лигу наций. Не имея необходимых полномочий, советский полпред вынужден был дать на такое недвусмысленное предложение отрицательный ответ. Однако глава внешнеполитического ведомства Франции не оставил своих попыток. В ходе новой встречи с Довгалеvским, 22 ноября, еще раз вернулся к тому же вопросу, только на этот раз был более откровенным.

³⁷ Документы... Т. XVI. М., 1970. С. 142, 816.

³⁸ Там же. С. 151, 159, 812, 817.

³⁹ Там же. С. 846, 869; Известия. 1933. 5 мая.

«Если бы французское общественное мнение, – заметил он, – узнало и убедилось бы в том, что Франция может осуществить положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это внесет успокоение в общественное мнение и выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией».

Барьер же Бонкур представлял себе «в виде договора о взаимопомощи» и считал «вопрос назревшим и не терпящим отлагательств»⁴⁰.

В тот же день на помощь своему французскому коллеге поспешил Бенеш. Правда, он говорил еще не о договоре, а лишь о том, что должно было ему предшествовать, – установлении дипломатических отношений СССР со странами Малой Антанты, в том числе и с Чехословакией, с которой Советский Союз поддерживал всего лишь официальные (полудипломатические) отношения. Бенеш добавил, что «в Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей»⁴¹.

Неделя потребовалась узкому руководству на то, чтобы почти принять судьбоносное решение, которое заставило бы в корне пересмотреть не только внешнеполитический курс страны, но и стратегию и тактику Коминтерна, а вместе с тем и внутривластную пропаганду. Ведь требовалось дать согласие на вступление не просто в какую-то международную организацию, а в Лигу наций, ту самую, которую, в полном соответствии с оценками Ленина, в СССР определяли следующим образом:

«Ничем не прикрытый инструмент империалистических англо-французских вождельний... Лига наций – опасный инструмент, направленный своим острием против страны диктатуры пролетариата»⁴².

29 ноября Н.Н. Крестинский, в отсутствие М.М. Литвинова, который готовил в Вашингтоне установление дипломатических отношений с США, руководивший Наркоминделом, сообщил Довгалевскому: «Вопрос о Лиге наций считаем дискуссионным и согласны обсудить. Но при этом у нас будут существенные оговорки, которые изложим при конкретных переговорах, если таковые будут иметь место. Вопрос о взаимопомощи также считаем дискуссионным и не прочь выслушать конкретные предложения. Можете на основании директив (решения ПБ – Ю.Ж.) начать беседу с Бонкуром»⁴³.

К переговорам приступили уже 5 декабря. Бонкур, естественно, прежде всего спросил Довгалевского, не может ли тот «сказать что-либо нового по поводу Лиги наций», и услышал невнятный – оговоренный в Москве – ответ: «Жду... конкретных предложений». Но все же Бонкур постарался объяснить свой настойчивый интерес к теме. Вступление Советского Союза в Лигу наций, сказал он, «весьма облегчило бы переговоры о взаимопомощи, которые в противном случае будут очень затруднены, ибо взаимопомощь не будет гармонировать с пактом Лиги наций, не говоря уже о том, что Польше будет трудно увильнуть от участия в договоре о взаимопомощи, если СССР станет членом Лиги»⁴⁴. Так, хотя и контурно, он обозначил суть идеи, замысленной на Ке д'Орсе, где располагалось министерство иностранных дел. Подписание договора о взаимопомощи Франции, Советского Союза, Польши, стран Малой Антанты в случае нападения Германии на одну из них обуславливалось непременно вступлением СССР в Лигу наций.

В создании европейской системы безопасности Москва была заинтересована не меньше, если не больше, Парижа, ибо она снимала ставшую вполне реальной для страны угрозу войны

⁴⁰ Документы... Т. XVI С. 682–684.

⁴¹ Там же. С. 684–685.

⁴² Малая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1929. Колонка 631–632.v

⁴³ Документы... Т. XVI. С. 695.

⁴⁴ Там же. С. 724–725.

на два фронта или борьбы с нацистской Германией один на один. При решении такой задачи не возникло бы никаких проблем, если бы не необходимость вступать в еще вчера осуждаемую и проклинаемую Лигу наций. Требовалось сделать выбор: либо старые доктрины, либо гарантия безопасности СССР. Сделать выбор следовало очень быстро, так как любая затяжка вынудила бы Париж поддержать Пакт четырех, подтолкнув тем самым Германию к агрессии против одного Советского Союза. Вступление же в Лигу наций неминуемо повлекло бы обязательный отказ, пусть даже на словах, от противопоставления СССР остальным странам, от идеи мировой революции; серьезную корректировку или, возможно, свертывание на время деятельности Коминтерна и, наконец, пересмотр внутренней политики, в которой пришлось бы соотноситься с уставом международной организации.

И выбор был сделан так же кулуарно, как до сих пор шло обсуждение вопроса о вступлении в Лигу наций, в рамках узкого руководства – Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов – с привлечением лишь тех, без кого нельзя было обойтись – Литвинова и Крестинского. Это произошло 9 декабря даже без оформления как решения ПБ. А через день нарком иностранных дел поспешил известить полпреда в Париже: «Мы взяли твердый курс на сближение с Францией»⁴⁵. Литвинов поторопился, на неделю опередив события. Окончательно решение ПБ о согласии СССР вступить в Лигу наций формально было принято 19 декабря 1933 г. узким руководством в присутствии Литвинова и Довгалева⁴⁶, срочно вызванного в Москву. Оно, в частности, гласило:

«Дать тов. Довгалева для ответа Бонкуру следующие директивы: 1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии».

Были сформулированы детали будущего, пока еще проблематичного пакта, которые в любом случае должны были закрепить тесные отношения Советского Союза с Францией, а кроме того, предусматривали помощь и на случай нападения Японии. Помимо этого, но уже чисто декларативно, всего лишь как необходимая дань идеологии были занесены в «директиву» и те условия вступления СССР в Лигу наций, на выполнение которых ПБ просто не могло рассчитывать. Среди них – арбитраж «лишь по спорам, которые... будут иметь место после вступления Союза в Лигу»; исключение из статута Лиги наций санкционирования войны для решения международных споров; отмена мандатного управления великими державами ряда территорий; обязательность «для всех членов Лиги расового и национального равноправия»⁴⁷.

В полном соответствии с указаниями из Москвы 28 декабря Довгалева изложил «условия» Полю Бонкуру, который сразу же согласился с большинством советских предложений. Одобрив перечень участников будущего пакта, он подчеркнул: «Самое существенное – это СССР, Польша, Франция и Чехословакия»⁴⁸. По мнению Бонкура, настоящие переговоры о создании Восточного пакта только начинались.

«Директивы» Довгалева занесли в «особую папку» решений ПБ, что означало право знакомства с ними лишь для нескольких человек, призванных претворять их в жизнь, и недоступность их для всех остальных членов ЦК. Несмотря на это, Сталин поспешил разгласить тайну, обращая тем возможное негодование со стороны противников вступления страны в Лигу наций исключительно на себя. Уже 25 декабря он принял корреспондента газеты «Нью-Йорк тайме» Дюранти и дал ему интервью. Он вполне преднамеренно намекнул американскому журналисту на секретное решение.

⁴⁵ Там же. С. 736; Исторический архив. 1995. № 2. С. 199.

⁴⁶ Исторический архив. 1995. № 2. С. 200.

⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 305–306.

⁴⁸ Документы... Т. XVI. С. 772–773.

Дюранти: Всегда ли исключительно отрицательна ваша позиция в отношении Лиги наций?

Сталин: Нет, не всегда и не при всяких условиях... Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций (19 октября и 27 марта 1933 г. соответственно – **Ю.Ж.**), – или, может быть, именно поэтому – Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки.

4 января 1934 г. все центральные газеты Советского Союза опубликовали это интервью. А спустя три недели в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Открылся традиционным отчетным докладом Сталина о работе ЦК за истекшие три с половиной года, который начался с неизменной для такого рода докладов характеристики международного положения. Но Сталин ни словом не обмолвился о самом главном – об уже предпрешенном, и в самое ближайшее время, повороте во внешней политике и о том, что его сделало единственно возможным. Скорее всего, Сталин расценил отсутствие какой-либо реакции на свои слова о вроде бы возможной «поддержке» Лиги наций либо как полное непонимание смысла сказанного, либо как нежелание ортодоксальных кругов партии начинать дискуссию по этому поводу. И потому заговорил о более привычном для слушателей, о том, чего от него и ждали, – о революционной ситуации. Правда, в отличие от оценок, данных XII пленумом ИККИ, он отметил, что революционный кризис только созревает, а чуть позже выразился еще более осторожно – «он будет созревать». Затем, как то бывало уже не раз, напомнил об угрозе войны и пообещал делегатам: в случае нападения империалистических держав на СССР, «отечество рабочего класса всех стран», его «многочисленные друзья... в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям»⁴⁹. Таким весьма прозрачным эвфемизмом Сталин продемонстрировал свою твердую веру в пролетарскую солидарность.

Вместе с тем в докладе прозвучали и явно новые, необычные ноты. Говоря о росте фашизма, о его победе в Германии, Сталин многозначительно заметил:

«Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей»⁵⁰.

Он впервые обозначил вполне возможную, с его точки зрения, альтернативу мировой революции. И даже не мирный путь компартий к власти, а лишь использование парламентов для защиты интересов трудящихся – то, что до сих пор большевиками и Коминтерном напрочь отвергалось как реформизм.

Затем, вернувшись вдруг к внутренним проблемам, Сталин перечислил по значимости то, на что СССР может рассчитывать в сложившейся международной обстановке. На первое место поставил экономическую и политическую мощь страны, только потом – моральную поддержку трудящихся за рубежом. Но он не ограничился учетом классовой солидарности, а тут же присоединил к ней не менее, судя по контексту, значимое – наличие стран, не заинтересованных в развязывании новой войны, имея в виду прежде всего Францию. На последнее же место Сталин поставил Красную армию, признав тем ее слабость, порожденную отсутствием

⁴⁹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 8, 11–12.

⁵⁰ Там же. С 11.

современного вооружения, так как оборонную промышленность лишь предстояло создать – в ходе выполнения второго пятилетнего плана.

Судя по всему, действительно значимыми, даже решающими в конкретных условиях Сталин полагал усилия советской дипломатии, проводившей «кампанию за заключение пакта о ненападении». Он объяснил такую оценку тем, что между Советским Союзом и некоторыми странами Запада – опять же Францией, а также Польшей «нежелательные отношения начинают постепенно исчезать... атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться». И сделал отсюда логический вывод, вновь намекнув на близкий поворот внешнеполитического курса. «Если интересы СССР, – сказал Сталин, – требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний»⁵¹.

Однако и этого Сталину показалось мало, и он твердо произнес ранее немыслимое, просто невозможное. Отныне единственной для ВКП(б) задачей должно было быть отстаивание, обеспечение национальной безопасности страны, а не становившейся все более призрачной идеи пролетарской солидарности и связанных с нею интересов мировой революции. «Мы, – предельно однозначно пояснил Сталин, – ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»⁵².

О грядущих вскоре переменах свидетельствовали и многие другие положения доклада Сталина, в том числе итоговая оценка сложившихся социально-экономических отношений:

«Удельный вес социалистической системы хозяйства в области промышленности составляет в настоящее время 99 %, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур, – 84,5 %... Социалистический уклад является безраздельно господствующей и командующей силой во всем народном хозяйстве»⁵³.

Следовательно, несомненно подразумевал докладчик, настало время не просто заявить о завершении НЭПа, но и сделать соответствующие политические выводы, зафиксировать отмеченные сдвиги со всеми вытекающими юридическими и идеологическими последствиями.

Столь же многозначительным оказался и раздел доклада, посвященный собственно партии, положению в ней. Начал Сталин с констатации восстановления ее единства. Сказал, что «разбиты и рассеяны» троцкисты, правые уклонисты и национал-уклонисты, олицетворением последних сделал Н.А. Скрыпника – члена ЦК и ИККИ, наркома просвещения УССР, покончившего с собой в июле 1933 г. Лишь упомянул, не назвав поименно, «его группу», к которой следовало отнести писателей Н. Хвылёвого с его открытым призывом «Прочь от Москвы!», П. Гирняка, М. Ялового (Юлиана Шпола), историков М. Яворского, М. Равич-Черкасского, философа В. Юринца, филологов Е. Курило, Е. Тимченко, театрального режиссера Л. Курбаса, некоторых других, незадолго перед тем обвиненных П.П. Постышевым в пропаганде национализма⁵⁴.

Просто перечислив троцкистов, правых, национал-уклонистов, Сталин почему-то не вспомнил о громких, достаточно хорошо известных партии конкретных политических делах, заставивших ПБ и ЦК в октябре 1932-го – апреле 1933 г., то есть как раз за отчетный период, принимать специальные постановления. Словно забыл о деле «контрреволюционной группы», она же «Союз марксистов-ленинцев» М.Н. Рютина, П.А. Галкина, М.С. Иванова, других почти неизвестных партфункционеров, подготовивших манифест «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)», написанных с откровенно правых позиций и содержавших чисто фракционную критику проводимого сталинской группой курса. Не упомянул докладчик и о потрясшей партию высылке в октябре 1932 г. Зиновьева в Куста-

⁵¹ Там же. С. 13–14.

⁵² Там же. С. 14.

⁵³ Там же. С. 15–16.

⁵⁴ Подробнее см.: Костюк Г. Сталинизм на Украине (на укр. яз.). Киев. 1955. С. 164–198; Субтельный О. Украина. История. – Киев. 1994. С. 494.

най и Каменева в Минусинск, правда, возвращенных в Москву год спустя. Они были высланы только за то, что знали о документах, написанных Рютиным, но не сообщили о них в ЦКК, как того требовала партийная этика. Умолчал Сталин, хотя прежде непременно использовал бы подобную информацию для разжигания страстей, о деле члена коллегии наркомата снабжения Н.Б. Эйсмонта и начальника Главдорстроя при СНК РСФСР В.Н. Толмачева, обвиненных в правом уклоне. Умолчал и о «бухаринской школе» – «антипартийной группе правых А.Н. Слепкова», за связь с которой исключили из партии и сослали в Тобольск Н.А. Угланова, в 1921–1929 гг. первого секретаря Петроградского и Нижегородского горкомов, Московского обкома, секретаря ЦК ВКП(б).

Всерьез говорить о только что нанесенном сокрушительном ударе по правым Сталин не стал, явно не желая обострять положение. Он сосредоточил внимание делегатов съезда на ином – на «путанице по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп». «Путаница в головах» отражала в равной степени взгляды как левой, так и правой оппозиций, но главным образом левой. Но, заняв умеренную позицию, Сталин ограничился тем, что предложил всего только «поднять теоретический уровень партии на должную высоту... Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма»⁵⁵. Обрушился он в праведном гневе на другого врага – на безликую и нефракционную опасность, на бюрократизм, причем столь же сильно, как это делал Троцкий всего десять лет назад.

«Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, – провозгласил Сталин, – болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики – вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности». Резкую, но поначалу довольно общую мысль он уточнил: «Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением в должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину»⁵⁶.

Говоря так, Сталин уже не оставил сомнений у слушателей, что имеет в виду в равной степени руководителей и партийных, и советских без различия чинов и рангов.

По сути, ту же мысль, хотя и не полностью и несколько своеобразно, развил Л.М. Каганович в докладе по оргвопросам. В своих построениях он исходил из двух решающих факторов: во-первых, успехов индустриализации, во-вторых, наличия не доставшихся «в наследство» от прошлого, а собственных, воспитанных и обученных за годы советской власти специалистов. «Шахтинский процесс, как все последующие процессы, – отметил Лазарь Моисеевич, – вскрыл, что многие из наших коммунистов – руководящих работников, не зная техники, не пытаясь овладеть ею (здесь Каганович имел в виду специальное среднее и высшее образование – Ю.Ж.), слепо доверялись этим (старым – Ю.Ж.) специалистам, работали как «комиссары» худшего типа». Ну а теперь положение изменилось, «Советский Союз превратился в страну массового технического образования... Молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы в годы первой пятилетки, составляют более половины всех специалистов»⁵⁷.

⁵⁵ XVII съезд... С. 28, 32.

⁵⁶ Там же. С. 34.

⁵⁷ Там же. С. 528–529.

Потому-то, а также исходя из вполне обоснованного дальнейшего роста как промышленности, так и числа новых специалистов, Каганович объявил об очередной реорганизации структуры партаппарата всех уровней, о переходе в ней к производственно-отраслевому принципу с максимальным использованием коммунистов не с «прошлыми заслугами», а обладающих высшим образованием.

Существовавшие с лета 1930 г. функциональные отделы ЦК ВКП(б) – оргинструкторский, административно-хозяйственных и профсоюзных кадров, культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний – ликвидировались. Вместо них впервые за всю историю партии образовывались отраслевые – промышленный, транспортный, сельскохозяйственный, планово-финансово-торговый, которые должны были осуществлять повседневное наблюдение за работой соответствующих наркоматов и ведомств. Сходными задачами наделялся и еще один отдел, политико-административный, призванный контролировать силовые органы: союзные – наркомат по военным и морским делам, суд и прокуратуру, ОГПУ; республиканские – наркоматы внутренних дел, юстиции. Другую, чисто партийную группу составляли отделы культуры и пропаганды, институт Маркса – Энгельса – Ленина (на правах отдела), руководящих партийных органов (ОРПО). Последнему предстояло не столько наблюдать за работой, сколько подбирать и представлять на утверждение ПБ кандидатуры на должности первых и вторых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, председателей совнаркомов союзных и автономных республик, край- и облысполкомов, согласовывать состав соответствующих центральных комитетов и бюро⁵⁸.

Тем самым узкое руководство в лице ПБ с помощью вроде бы обычной, административной по характеру реформы устанавливало абсолютный и к тому же вполне официальный – все перемены закреплялись новой редакцией устава партии – контроль над всеми без исключения наркоматами и комитетами. Истинная власть трансформировалась, становилась принципиально иной. Из прежней двуединой – партийно-советской, хотя и тесно переплетавшейся, но все же сохранявшей хотя бы видимость некоторой самостоятельности каждой из ветвей, она превращалась в откровенно партийную, теперь более сложную, многоступенчатую. Раньше члены узкого руководства могли непосредственно воздействовать только на те структуры, которые сами же и возглавляли: В.М. Молотов – аппарат Совнаркома СССР, К.Е. Ворошилов – наркомат по военным и морским делам, Г.К. Орджоникидзе – наркомат тяжелой промышленности, оставляя остальные за теми наркоматами и председателями комитетов, которых считали верными, надежными. Теперь же, пусть и не прямо, а через ПБ и отделы ЦК, право создавать и формировать которые узкое руководство негласно оставило за собой, оно получало контроль уже за всеми без исключения органами советской власти.

Своеобразный «административный» переворот, без сомнения, породило стремление узкого руководства в соответствии с заветами великого немецкого стратега генерала Карла Клаузевица перед решающей схваткой прежде всего укрепить свои тылы. О том же свидетельствовала и необычная умиротворяющая позиция на съезде Сталина, всячески пытавшегося ничем не спровоцировать очередной раскол или какое-либо идеологическое противостояние в ЦК, сохранить в нем пусть чисто внешнее, но все же единство и согласие хотя бы на время, ибо он остро нуждался в стабильности для того, чтобы очень скоро осуществить крутой поворот курса партии и страны. Поначалу предполагались перемены во внешней политике, что являлось наиболее важным, первостепенным. А затем, вне всякого сомнения, должно было произойти и то, о чем отнюдь не под сурдинку предупредил Сталин: смена широкого руководства⁵⁹, замена тех, кто обладал заслугами лишь в прошлом как активный участник революции и гражданской войны.

⁵⁸ Там же. С. 561–562, 672, 676.

⁵⁹ Широкое руководство – первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, а также наркомы

Делегаты съезда, давно привыкшие и к поискам очередных «врагов», и ко всевозможным реорганизациям, в том числе и партаппарата, видимо, всерьез не задумались ни о заявлении Сталина о бюрократии как главном источнике всех трудностей, ни о предложении Кагановича. Единогласно утвердили резолюции по обоим докладам и новый устав партии. Одобрили и состав ЦК, существенно не отличавшийся от предыдущего.

Как и прежде, из 71 члена ЦК восемнадцать (около 25 %) оказались теми, кто в разные годы входил в состав высших партийных органов, давно уже являлся членом или кандидатом в члены ПБ, секретарем ЦК: И.В. Сталин – генеральный секретарь, К.Е. Ворошилов – нарком по военным и морским делам, Л.М. Каганович – 2-й секретарь ЦК ВКП(б) и первый – МК и МГК, М.И. Калинин – председатель ЦИК СССР, С.М. Киров – первый секретарь Ленинградского обкома, С.В. Косиор – первый секретарь ЦК КП(б) Украины, В.В. Куйбышев – председатель Госплана СССР, В.М. Молотов – председатель СНК СССР, Г.К. Орджоникидзе – нарком тяжелой промышленности СССР, А.А. Андреев – нарком путей сообщения, А. И. Микоян – нарком снабжения СССР, Г.И. Петровский – председатель ЦИК УССР, П.П. Постышев – 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины и первый – столичного Харьковского обкома, Я.Э. Рудзутак – председатель упраздненной съездом Центральной контрольной комиссии – ЦКК ВКП(б), В.Я. Чубарь – председатель СНК УССР, Я.Б. Гамарник – начальник Политуправления РККА (в 1924–1928 гг. 1-й секретарь Дальневосточного крайкома, в 1928–1929 гг. – 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии), А.В. Косарев – генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, Н. М. Шверник – первый секретарь ВЦСПС (в 1926–1927 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1927–1929 гг. – 1-й секретарь Уральского обкома).

Вторую по важности группу членов ЦК, 35 % от его численности, составили партийные функционеры рангом несколько ниже. Первые секретари почти всех региональных партийных организаций: К.Я. Бауман – Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) (в 1929–1930 гг. 1-й секретарь МК и секретарь ЦК ВКП(б)), Л.П. Берия – Закавказского крайкома, И.М. Варейкис – обкома Центрально-Черноземной области, Е.Г. Евдокимов – Северо-Кавказского крайкома, А.А. Жданов – Горьковского обкома, В.И. Иванов – Северного обкома, А. Икрамов – ЦК КП(б) Узбекистана, И.Д. Кабаков – Свердловского обкома, А.И. Криницкий – Саратовского обкома, Л.И. Лаврентьев – Дальне-Восточного крайкома, Л.И. Мирзоян – Казахстанского крайкома, И.П. Носов – Ивановского обкома, М.О. Разумов – Восточно-Сибирского крайкома, И.П. Румянцев – Западного обкома, К.В. Рындин – Челябинского обкома, М.М. Хатаевич – Днепропетровского обкома, Б. П. Шеболдаев – Азово-Черноморского крайкома, Р.И. Эйхе – Западно-Сибирского крайкома. Вторые секретари: К.И. Николаева – Ивановского обкома, Н.С. Хрущев – МК и МГК.

Руководители остальных, подчиненных непосредственно ЦК ВКП(б) региональных партийных организаций: ЦК КП(б) Белоруссии – Н.Ф. Гикало, Средне-Волжского крайкома – В.П. Шубриков, Нижне-Волжского крайкома – В.В. Птуха, Татарского обкома – А.К. Лепа, Башкирского – Я.Б. Быкин, Крымского – К.А. Семенов, были избраны кандидатами в члены ЦК.

Ко второй же группе членов ЦК – партийных функционеров – следует отнести и заведующих ликвидированными отделами: А.И. Стецкого – культуры и пропаганды, Н.И. Ежова – распределительного, а также ответственных работников исполкома Коминтерна – В.Г. Кнорина, Д.З. Мануильского, И.А. Пятницкого.

Менее представительны выглядели в составе ЦК советские работники. Главы союзных наркоматов: С.С. Лобов – лесной промышленности, И.Е. Любимов – легкой промышленности, М.М. Литвинов – иностранных дел, Я.А. Яковлев – земледелия, Г.Г. Ягода – председатель ОГПУ, а также председатель правления Центросоюза И.А. Зеленский (в 1921–1924 гг. 1-й

(министры) СССР, обладавшие почти неограниченными правами на подконтрольных территориях, во вверенных отраслях экономики. Как члены ЦК, они избирали на пленумах состав ПБ, утверждали его основные решения, в силу чего юридически стояли над ПБ, включая узкое руководство.

секретарь МК, в 1924-м – секретарь ЦК РКП(б), в 1925–1931 гг. – председатель Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б). Первые заместители наркомов союзных наркоматов: Н.К. Антипов – упраздненного съездом РКП, И.П. Жуков – связи, М.М. Каганович и Г.Л. Пятаков – тяжелой промышленности, К.В. Уханов – снабжения, В.И. Межлаук – председателя Госплана. Руководители республиканских структур: председатель СНК РСФСР Д.Е. Сулимов, его заместитель Д.З. Лебедь, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов (в 1924–1929 гг. начальник политуправления РККА), полномочный представитель ОГПУ по УССР и председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий⁶⁰.

Именно они, а также и остальные – почетные, как Н.К. Крупская и Г.М. Кржижановский, либо номинальные члены ЦК и 68 кандидатов в члены ЦК – в день закрытия съезда, 10 февраля, собрались на свой первый пленум 17-го созыва, для того чтобы образовать постоянно действующие высшие органы партии. Однако и в его ходе новаций не было. ПБ избрали в том же составе, который сложился еще в декабре 1930 г.: Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Сталин плюс кандидаты в члены ПБ – Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Чубарь. Лишь секретариат подвергся небольшим изменениям. В него, как и прежде, вошли Сталин, но уже без титула «генеральный», и Каганович; новичками же в такой должности стали Жданов и Киров. Из этих людей и сложилась вершина многоуровневой пирамиды власти – неизменное, хотя и неформальное узкое руководство. Его старый состав – Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе – пополнился Ждановым, что и превратило «пятерку», в «шестерку».

Вполне реальная, полная и безраздельная власть узкого руководства или, как ее называли, сталинской группы, выражалась в полномочиях ее членов. Сталин, как председательствующий на заседаниях ПБ и секретариата, сохранил за собой общее руководство, то есть право утверждать ту или иную повестку дня и определять степень готовности выносимых на рассмотрение проектов решений. Схожие функции, но только применительно к СНК СССР, остались за Молотовым. Ворошилов, как и прежде, возглавлял то самое ведомство, которое со времен гражданской войны рассматривалось всеми как главная гарантия существования и безопасности советской власти – наркомат по военным и морским делам. Орджоникидзе продолжал лично контролировать важнейшую в условиях индустриализации тяжелую промышленность, включавшую теперь такие новые для страны отрасли, как авиационная, автомобильная, тракторная.

Двое членов узкого руководства согласно решению ПБ от 10 марта⁶¹

⁶⁰ XVII съезд... С. 680–681.

⁶¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 941. Л. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.